СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 322

Е.Г. Аванесова, Н.А. Микаелян

ПРОБЛЕМА РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ РЕЛИГИОЗНЫМ И СВЕТСКИМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Данная статья представляет собой исследование проблемы разрешения противоречия между светским и религиозным в политике. Методологическую основу исследования составил постсекулярный подход, согласно которому одной из важнейших характеристик современного общества является возвращение религии в публичное пространство. Указанный подход позволил выявить проблемы взаимодействия власти и религиозных организаций в таком сложном в политическом и конфессиональном отношениях регионе, каким является современный Татарстан.

Ключевые слова: постсекулярность; публичная сфера; противоречие между религиозным и светским; взаимодействие власти и мусульманских организаций Татарстана.

Название данной статьи требует пояснения, так как возникает вопрос, о каком «присутствии» религиозного в политической сфере идёт речь. Ведь традиционно считалось, что религия «ушла» из публичного пространства и сохранила свою значимость лишь в приватной сфере. Однако вопреки устоявшемуся мнению о том, что религия на протяжении последних столетий теряла контроль над политикой [1], на практике дело обстояло иначе. Даже в условиях секуляризованного мира взаимодействие религии и политики не только не прекращалось, но находило новые формы. Что касается дня сегодняшнего, то можно констатировать, что религия активно возвращается в публичное пространство, а «политико-институциональная» сторона религиозного присутствия может быть рассмотрена и как деятельность религиозных институтов в поле публичной политики, и как использование религиозной идеологии и риторики в качестве легитимации деятельности различных политических субъектов, и как соотношение светских и религиозных институтов и соответственно государственной политики» [2. С. 169].

Новая реальность демонстрирует отход от традиционных форм взаимодействия религии и политики и требует изменения подхода к разрешению проблемы внутреннего противоречия между светским / секулярным и религиозным в политической сфере. Как пишет М.М. Мчедлова, есть целый ряд парадигм, идей и проектов, предлагающих разрешение указанного противоречия. Одной из таковых является идея постсекулярного общества и глокально организованного мира [Там же. С. 165]. Теоретики данной идеи исходят из того, что постсекуляризм выступает очередной крупной формацией и фазой развития общественного сознания, которая сменяет собой фазу секуляризации [3], при этом одной из базовых характеристик новой фазы является возвращение религии в публичное пространство, не исключая и сферы политики.

Очевидно, что возвращение религии в публичную сферу сопряжено со многими трудностями. Во-первых, происходят качественные изменения современного общества, оно становится все более мультикультурным и мультирелигиозным [4. С. 26]. Глобализация и последующая за ней мобильность населе-

ния привели к глобальному смешению культур и религий в границах локальных территорий. Мощные миграционные волны существенно повлияли на этнический и культурный состав многих национальных государств (которые и так не были моноэтническими), превратив их в иммиграционные общества [5. С. 75]. Более того, традиционные религии сегодня вынуждены конкурировать с новыми религиозными движениями, которые стали заметным социокультурным феноменом XX–XXI вв.

Во-вторых, меняется привычный «рисунок» локализации традиционных религий вследствие роста «виртуальных транснациональных религиозных объединений и сообществ» [6. С. 36]. Данные объединения утрачивают связь с привычными территориями и традициями, что приводит к «масштабным сдвигам в отношениях между основными религиями», реконструированию коллективных идентичностей и формированию нового религиозного пространства [Там же. С. 37].

В-третьих, политика как одна из сфер публичного пространства долгое время «отторгавшая» религию, не жадет её возвращения, на что указывают осторожные заявления не только политических деятелей, но и учёных-теоретиков относительно возможных места и роли религии в современной политике. Так, Дж. Ролз предложил предоставить религии ограниченное место в публичной сфере, мотивировав это тем, что религиозные доктрины могут вводиться в публичную политическую дискуссию только при условии наличия политических оснований, достаточных для поддержания того, что предлагается религией [7]. Данное предложение вполне может расцениваться как попытка не «допустить» религию в сферу политики на партнёрских основаниях, а выстраивать асимметричные отношения между религиозным и светским в политике.

По мнению С.С. Хоружего, видные теоретики постсекуляризма, к которым он относит Ю. Хабермаса и Ч. Тейлора, идут в своих рассуждениях дальше Дж. Ролза и отводят религии более значимое место в публичной сфере, полагая, что между религиозным и светским в политике возможно партнёрское взаимодействие. Однако необходимо понимать, что указанное полагание не есть признание особой роли Религии

озного в современном мире. По словам Ч. Тейлора, анализ социума на базе дихотомии Секулярное / Религиозное не является адекватным в силу наличия в этом мире большого разнообразия различных воззрений (и не обязательно религиозных). Поэтому не следует отводить религии «выделенное положение» [8], но в то же время нельзя делать вид, что политика не должна учитывать мнение верующих людей. Пожалуй, эта мысль включает в себе одно из базовых положений доктрины постсекуляризма, без осознания которого невозможно выстраивать все дальнейшие рассуждения.

В чём суть противоречий между религиозным и секулярным в политической сфере? Ответ на данный вопрос требует понимания природы рассматриваемых нами явлений. Религиозное и светское как своеобразные мировоззрения строятся на разных ценностных основаниях. Если «религия – это система верований и практик, основанных на невыразимой природе религиозной коммуникации» [3. С. 38], то «секуляризм принципиально дистанцируется от предельных вопросов» [9. С. 66]. Соответственно, религия привносит «трансцендентные смыслы» в политику, секуляризм пытается её освободить и очистить от них, так как исходит из того, что привнесение в политику религиозных и моральных смыслов может оказаться тем бременем, которое не позволит политике быть эффективной. В истории новейшего времени это противоречие разрешалось просто: в процессе политической секуляризации место религии в общественной жизни определялось и регулировалось государством [4. С. 26], которое не допускало религиозное в сферу политики. Однако такая позиция государств, которые были вполне светскими (что отражалось в их конституциях), часто противоречила позиции общества, которое оставалось по сути религиозным.

Так, П. Бергер называет ряд стран, в которых население чувствовало себя «неудобно в светском, религиозно нейтральном по своему характеру государстве»: Израиль, США, Индия, Турция, Иран и др. [10. С. 14–18]. Рано или поздно такая ситуация должна была привести к конфликту между светским и религиозным. Эта ситуация, помноженная на то, что «современность обязательно порождает плюрализм» [10. С. 9], актуализировала ряд вопросов, на которые обществу предстоит ответить: если либеральные конституции призваны защищать интересы всех граждан, то как быть с верующими людьми, которые являются полноправными гражданами государства, но политика государства при этом должна быть освобождена от любого «загрязнения» религией [7]? Каким образом должны учитываться их интересы? При этом следует отметить, что пересмотреть роль религиозного в политике заставляют не только вопросы, актуализируемые современностью, но и осознание того факта, о котором сказал Дж. Ролз, и суть которого состоит в том, что «проблема политического влияния религии в гражданском обществе так и не была решена за счет секуляризации политической власти как таковой» [Там же].

Так какую же модель взаимодействия светского и религиозного в политике предлагают теоретики про-

екта постсекулярного общества и глокально организованного мира? На наш взгляд, в основе данной модели лежит представление о плюрализме мировоззрений и форм жизни [11. С. 14], которые существуют внутри каждого современного общества и государства. Политическая справедливость в подобном государстве может быть достигнута при условии доминирования таких базовых принципов справедливости, которые «оказываются нейтральными по отношению ко всем мировоззрениям» [11. С. 16]. Дж. Роулс называет модель, при которой реализуется данный принцип, моделью взаимоперекрестного консенсуса. Названный консенсус может быть достигнут, с одной стороны, путём взаимных уступок, а с другой стороны, путем выработки таких принципов, которые могут быть приемлемы и выгодны для каждой из сторон, которая хотела бы достигнуть согласия. Представляется, что рассуждения сторонников постсекулярной парадигмы, касающиеся разрешения проблемы противоречия между светским и религиозным в политической сфере, вполне «укладываются» в рамки названной модели. Таким образом, мы можем рассматривать постсекуляризм не только как мировоззрение, сопутствующее новой культурной ситуации, но и как социально-политическую практику [12], которая должна быть выстроена на следующих базовых идеях:

- религиозное мировоззрение является неотъемлемой частью современности *наряду с другими мировоззрениями*;

- религии находятся в состоянии конкуренции друг с другом;

- религия не только не утратила свои позиции в политической и социальной сферах, но, напротив, часто становится тем фактором, который влияет на принятие политических решений. Так, «соседство мусульман не только принуждает сограждан-христиан так или иначе соотносить свою деятельность с практикой “конкурирующей” веры» [13], но и оказывает влияние на законодательный процесс, что указывает на невозможность осуществления политической деятельности без учёта религиозного фактора;

- «постсекулярность не означает возвращения в досовременную эпоху», поскольку, по замечанию Д. Узланера, «подразумевает дальнейшее движение, а не обратное колебание маятника». А это может быть расценено не как попытка борьбы религии с достижениями модерна, «будь то развитие светского научного знания, становление светских политических институтов, развитие светского права» [Там же], но как стремление религиозных сообществ интегрироваться в культурную, общественную, политическую жизнь отдельных государств.

Постсекулярность характеризуется тем, что государство не может больше игнорировать стремление верующих быть полноправными участниками политического процесса. При этом важнейшим условием участия является принятие приверженцами той или иной религии идеи «многоголосой сложности» [14], другими словами, осознание того факта, что при принятии политических решений *одновременно* с моим мнением имеет право на существование мнение Дру-

гого (как светских граждан, так и иноверцев). Но это не единственное условие. Как указывает Ю. Хаббермас, для полноценного участия верующих граждан в политическом процессе необходим «перевод» их мнения на светский язык, который является определённого рода условием его учёта в политике. Причиной же этой необходимости выступает потребность сохранения «принципа мировоззренчески нейтральной реализации политического господства», поскольку государство должно говорить на языке, понятном всем его гражданам [14]. Если все предварительные условия будут соблюдены, то возможен диалог между светским и религиозным в политике на партнёрских основаниях, при всей сложности которого и необходимости уступок со стороны и верующих, и светских граждан, результат может быть позитивным и заключаться во взаимовыгодном сотрудничестве: верующие смогут сказать своё слово в политике, государство – получить голоса религиозных граждан «в сфере политической публичности и в политическом участии религиозных организаций» [Там же]. По мнению Ю. Хаббермаса, к такому диалогу наиболее предрасположены государства, которые строят свою политику на либеральных основаниях, и те исторические религии, которые способны быть терпимыми к иной точке зрения.

Идея «многоголосой сложности» понятна и весьма привлекательна в теории, но возможность её практической реализации представляется не бесспорной. Достижение согласия между гражданами, являющимися носителями различных мировоззрений, потребует значительных уступок от каждой из сторон взаимодействия. Секулярной стороне необходимо признать за оппонентами право на «участие в общественно-политической жизни», стороне религиозной – приоритет секулярных оснований в сфере политики [13]. Но возможны ли такие уступки? И являемся ли мы сегодня свидетелями выстраивания такой коммуникации между религиозным и светским, которая была бы основана на взаимном доверии и желании сотрудничества? Думается, что современные сообщества пока в начале этого сложного пути, так как сегодня существует масса препятствий (и прежде всего ментального свойства), которые не способствуют диалогу между религиозным и светским. Светская сторона подчас воспринимает активизацию религиозных организаций и их желание быть активными участниками политического процесса как возвращение Средневековья. Сторона религиозная не всегда готова к решению герменевтической проблемы, говоря точнее – переводу религиозного языка на язык секулярный, поскольку этот процесс таит опасность секуляризации самой религии, т.е. превращения её из сферы конституирования абсолютных ценностей в одну из эффективных политических программ [15. С. 37].

Следует признать, что «конкретные постсекулярные общественные, культурные и политические конфигурации только ещё находятся в процессе формирования – причем в разных контекстах, национальных и региональных» [12]. Но данные конфигурации уже начинают вырисовываться и привлекают внимание научного сообщества, поскольку их аналитика будет способствовать более точному прогнозированию бу-

дущего религиозно-политических взаимодействий. Тема эта чрезвычайно актуальна для современной поликонфессиональной России. И особого внимания, на наш взгляд, требуют так называемые мусульманские регионы Российской Федерации. Полагаем, что есть как минимум две причины для особого внимания к таким субъектам: во-первых, мы разделяем точку зрения, что «катализатором постсекуляризма стал глобальный ислам» [12], а во-вторых, уже сейчас понятно, что именно в этих регионах наиболее ярко прослеживается тенденция к тесному взаимодействию религии и политики. Авторы статьи предполагают рассмотрение с точки зрения постсекулярного подхода модели взаимодействия светского и религиозного в политической сфере Татарстана как одного из самых сложных как в культурном и конфессиональном, так и в политическом отношении регионов Российской Федерации.

Активизация религиозных организаций и возрастание роли «религиозных институтов в поле публичной политики» [16. С. 53] Татарстана осуществляются сегодня на фоне качественного изменения отношения к религии в целом со стороны РФ, которая «ушла» от политики государственного атеизма. Конечно, Россия продолжает оставаться светским государством, и принцип светскости закреплён в её Конституции, но это обстоятельство не отменяет того, что государство встало на путь «демократического решения религиозного вопроса» [17. С. 24], активно содействуя возрождению религии. В Татарстане проживает на сегодняшний день около 4 млн человек, большинство из которых относят себя либо к мусульманам, либо к православным. Что касается процентного соотношения тех и других, то оно примерно 50% и 40% соответственно [18. С. 77]. При этом количество верующих за последние годы выросло в разы. Данный рост является проявлением только одной из тенденций десекуляризации, которая характерна для республики. Помимо этой, есть ряд других: рост религиозной идентичности, усиление влияния религии как на государственном уровне, так и в приватной сфере, активная исламизация молодёжи [19. С. 213–216]. Что же касается активизации деятельности религиозных организаций в публичной сфере Татарстана, то речь идёт, в первую очередь, об исламских организациях.

Несмотря на то, что процент христиан в Татарстане достаточно высок, республика все же больше позиционируется как мусульманская территория. Для этого есть основания. Во-первых, следует признать, что большинство в Татарстане составляют татары, многие из которых исповедует ислам. Во-вторых, в республике начиная с 90-х гг. XX в. активизировались националистические татарские объединения, деятельность которых оказывала влияние на усиление этнической и конфессиональной (исламской) идентичности татар. Так, партии «Иттифак», «Милли меджлис» и «Азатлык» предлагали строить независимое исламское государство, основанное на принципах татарского (этнического) ислама. Сепаратистская риторика этих партий выросла после подписания в 1994 г. двустороннего договора «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий меж-

ду органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» [20], который стал восприниматься радикальными националистами как уступка светскому государству. На сегодняшний день деятельность исламоориентированных националистических объединений продолжается, несмотря на то, что сепаратистские идеи по национальному (татарскому) и конфессиональному (исламскому) признаку не популярны среди населения. В-третьих, в Татарстане значительно возросла активность мусульманских организаций, которые оказывают влияние на все сферы общественной жизни республики, включая и сферу принятия политических решений. В-четвёртых, властные структуры РТ состоят в основном из представителей татарского народа, что позволяет говорить о наличии этнократической элиты Татарстана. Так, в одном из своих интервью Р. Сулейманов, являющийся руководителем Приволжского центра региональных и этнорелигиозных исследований Российского института стратегических исследований, говорит об отсутствии «пропорциональности этнического представительства во власти. Русские – это половина населения Татарстана, а в элите они почти не представлены» [21].

Вслед за Конституцией РФ, Конституция Татарстана объявляет республику светским государством, в котором религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом [22]. А это означает, что религиозные организации не имеют права законодательной инициативы, создания политических партий по религиозному признаку, непосредственного влияния на принятие политических решений. Между тем для исламской традиции не характерно отделение религии от политики, в ней «не существует понятия светского государства» [23. С. 114]. По словам А. Малашенко, «ислам изначально был обращен на решение светских, в том числе политических, государственных проблем», поэтому все разговоры о необходимости отделить религию от политики являются абсурдными в отношении ислама [24]. Данное противоречие между правом и традицией на практике разрешается путём активизации взаимодействия региональных властей и мусульманских организаций, направленного на решение мирских проблем. С одной стороны, «региональная власть все более активно включается в регулирование религиозной жизни» [23. С. 114], а с другой – мусульманские организации ищут возможности влияния на политический процесс, и особенно в этом преуспело Духовное управление мусульман РТ (ДУМ РТ), которое является одной из самых влиятельных организаций в республике. ДУМ РТ ведёт работу по целому ряду направлений: молодёжная политика, социальное служение, международная деятельность, развитие вакфа, телевизионная и издательская деятельность [25]. Более того, Духовное управление мусульман оказывает косвенное влияние на законодательный процесс в республике посредством тесного сотрудничества с субъектами законодательных инициатив. Так, ДУМ РТ стало инициатором принятия ряда поправок к закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» [26], пролоббировав включение в указанный закон пункта о вакфах. Что

касается христианских организаций, то на данный момент в республике не замечено какой-либо политической активности с их стороны. Изучение материалов сайта Татарской митрополии показало, что перед ней стоят задачи иного плана: восстановление христианских храмов, строительство новых корпусов богословских образовательных учреждений, социальная деятельность [27], т.е. речь идёт скорее о внутренней жизни митрополии, а не о стремлении оказать влияние на политическую повестку дня в регионе.

Власть РТ ведёт активный диалог с мусульманскими организациями, так как заинтересована в их деятельности, поскольку ислам становится той силой, которая является «оплотом действительной самостоятельности и отличия от соседних регионов» [28]. Наблюдатели отмечают усиливающееся «представительство официальных лиц на религиозных мероприятиях» и отмечают, что «даже формально светские мероприятия приобретают все больший религиозный оттенок» [Там же]. Власть и религиозные организации взаимно заинтересованы в активизации взаимодействия. Оно позволяет исламским организациям устанавливать как формальные, так и неформальные контакты с органами власти, посредством чего влиять на формирование политической повестки дня; органам власти, в свою очередь, такое взаимодействие даёт возможность легитимации этнократического характера власти в республике.

Ещё одной тенденцией, говорящей о попытке Татарстана «впустить» религию в публичное пространство республики, является подписание договоров между органами власти и религиозными организациями, в первую очередь мусульманскими. Множество таких договоров заключено между правительством Татарстана и ДУМ РТ [29. С. 27], но есть и трёхсторонние договоры. Это договоры между Правительством РТ с ДУМ РТ и Татарстанской митрополией РПЦ [30]. Данные договоры свидетельствуют о тесной кооперации между органами власти и религиозными организациями, что вполне может расцениваться как нарушение светского характера республики, закреплённого в её Конституции. Трёхсторонние договоры являются, на наш взгляд, попыткой властей Татарстана продекларировать формальное равенство двух самых многочисленных конфессий республики.

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод о наличии в Татарстане ряда тенденций, указывающих на то, что территория вступила на путь постсекулярного развития. Между тем движение к постсекулярному обществу в республике представляется на сегодняшний день «половинчатым». Как было сказано выше, одним из признаков такого общества является нейтральная позиция государства по отношению ко всем представленным на её территории мировоззрениям. Данное положение не характеризует современное состояние дел в Республике Татарстан. С одной стороны, Татарстан достиг больших успехов в достижении межконфессионального мира: в РТ праздничными выходными днями являются как Рождество, так и Курбан-байрам, конференции и мероприятия на различных уровнях проходят с межрелигиозным уча-

стием, возрождаются мусульманские и христианские религиозные центры, в частности исламский Булгар и христианский Свияжск, заключаются трехсторонние договоры. С другой стороны, современное руководство республики проявляет нейтральную позицию по отношению к представленным в ней религиозным мировоззрениям только в культурно-бытовом (обеспечение возможности исповедования религий, проведение религиозных праздников, воссоздание религиозных памятников), но не в политическом аспекте. Исламоориентированная позиция власти не вызывает никаких сомнений. На это указывают некоторые формальные признаки:

- власть поддерживает активность населения, направленную на формирование исламских религиозных организаций. ДУМ РТ сообщает на своём сайте о том, что «наибольшее количество религиозных организаций ПФО находится в Татарстане». В 2013 г. их насчитывалось 1 594, из них 1 193 приходится на организации мусульманские. Более того, «в некоторых районах республики количество мусульманских организаций в несколько раз превышает количество поселений в составе района» [31];

- власть не идёт до конца в деле передачи культовых православных сооружений РПЦ. И самый яркий пример – Дворцовая церковь в Казанском Кремле, где располагается музей государственности татарского народа. В связи с чем Р. Сулейманов задаёт вопрос: «Вы можете представить себе ситуацию, чтобы в каком-нибудь регионе в здании мечети располагался бы музей государственности русского народа?» [21];

- власть активно поощряет развитие системы мусульманского образования. «В настоящее время в Татарстане функционируют 9 медресе, Российский исламский институт и Болгарская исламская академия.

С открытием Болгарской исламской академии в 2017 г. система религиозного образования Республики Татарстан окончательно сформировалась как четырехступенчатая: примечетские курсы – медресе – институт – академия» [32]. Но в то же время власти отказались включить предмет «Основы православной культуры» в программы республиканских школ [33].

Таким образом, несмотря на все сложности, власть Татарстана «отвечает» на стремление религиозных сообществ, в первую очередь мусульманских, интегрироваться в культурную, общественную и политическую жизнь республики. Процесс этот весьма болезненный как для Татарстана, так и для России в целом в силу отсутствия общественного консенсуса между светским и религиозным [12]. Между тем обществу придётся найти этот консенсус, так как игнорировать религиозную составляющую современной российской культуры больше не удастся. По словам А. Кырлежева, «Россия является одной из значимых арен, на которых будет складываться новейшая постсекулярная конфигурация» [Там же]. Данное замечание справедливо в отношении как России в целом, так и отдельных её регионов. И особая активность общества ожидаема в мусульманских регионах, в силу специфики данной религии. Исламские организации Татарстана встали на путь активизации своей деятельности. И если их политическая активность, в силу ряда причин, пока не очень значима, то нет никаких сомнений в том, что она будет возрастать. Также нет сомнений в том, что политической беспристрастности власти Татарстана не достигнуто. Поэтому Россия и её регионы будут выстраивать свои, специфические, постсекулярные политические конфигурации, решая всё более актуализирующуюся проблему разрешения противоречия между светским и религиозным в политической сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество – что это такое? // Русский журнал: сайт. [Б.м.], 1997–2015. URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyuschego-ateizma> (дата обращения: 24.08.2018).
2. Мchedлова М.М. Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // Полис. 2016. № 1. С. 157–174.
3. Хоружий С.С. Постсекуляризм и ситуация человека // Институт синергийной антропологии: портал. [Б.м.], 2011. URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/08/hor_postec_i_sit_chel.pdf (дата обращения: 02.02.2019).
4. Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 21–51.
5. Аванесова Е.Г. Трансформация функций государственной власти в мировом космополитическом сообществе // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 4 (20). С. 73–78.
6. Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 1 (30). С. 33–56.
7. Хабермас Ю. Что такое политическое? Рациональный смысл сомнительного наследия политической теологии // Русский журнал: сайт. [Б.м.], 1997–2015. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/CHto-takoe-politicheskoe> (дата обращения: 27.01.2019).
8. Хоружий С.С. Постсекуляризм и антропология // Институт синергийной антропологии: портал. [Б.м.], 2011. URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2014/02/hor_postsecularizm_i_anthropology.pdf (дата обращения: 02.02.2019).
9. Кырлежев А. Постсекулярная концептуализация религии. К постановке проблемы // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 52–68.
10. Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 8–20.
11. Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мир-обществе // Полис. 2010. № 2. С. 7–21.
12. Кырлежев А. Секуляризм и постсекуляризм в России и в мире // Журнал «Отечественные записки» 2001–2014 гг.: архив номеров: сайт. [Б.м.], 2001–2014. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo> (дата обращения: 16.02.2019).
13. Узланер Д. Картография постсекулярного // Журнал «Отечественные записки» 2001–2014 гг.: архив номеров: сайт. [Б.м.], 2001–2014. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo> (дата обращения: 16.02.2019).
14. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией // Predanie.ru: православный портал. [Б.м.], 2008–2019. URL: <https://predanie.ru/habermas-yurgen/book/216268-mezhdu-naturalizmom-i-religiey/> (дата обращения: 19.02.2019).
15. Аванесова Е.Г. Политика как форма религиозной деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 36–38.
16. Кудряшова М.С., Мchedлова Е.М. Религия и политика: от секуляризации к новым теоретическим координатам исследования // Политическая наука. 2016. Специальный выпуск. С. 43–58.
17. Кудряшова М.С., Мchedлова Е.М. Религия и политика в современном российском обществе // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2008. № 4. С. 23–30.

18. Гузельбаева Г.Я. Исламская идентичность молодых татар в республике Татарстан (по материалам социологических исследований 2008–2012 гг.) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, кн. 6. С. 76–86.
19. Гузельбаева Г.Я. Постсекулярные тенденции у татар в начале XXI века // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 6. С. 212–219.
20. Договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан. 15.02.1994. № 199, ред. от 26.06.2007 // Государственный совет Республики Татарстан: официальный сайт. Татарстан, 2008–2018. URL: <http://gossov.tatarstan.ru/dokument/dogovor/fzrfir/dogovor/> (дата обращения: 10.03.2019).
21. Русских в Татарстане ждёт судьба русских Северного Кавказа // Агентство Политических Новостей: сайт. [Б.м.], 1999–2018. URL: <https://www.apn.ru/publications/article26361.htm> (дата обращения: 16.03.2019).
22. Конституция Республики Татарстан // Конституции Российской Федерации: сайт. [Б.м.], 2003–2019. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_tatar/chapter/9d78f2e21a0e8d6e5a75ac4e4a939832/ (дата обращения: 10.03.2019).
23. Нуруллина Р.В. Конфессиональная модель Республики Татарстан: роль и место ислама // Власть. 2010. № 9. С. 113–115.
24. Малашенко А. Религию невозможно отделить от политики // Журнал «Отечественные записки» 2001–2014 гг.: архив номеров: сайт. [Б.м.], 2001–2014. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/religiya-nevozmozhno-otdelit-ot-politiki> (дата обращения: 22.03.2019).
25. Годовые отчёты // Духовное управление мусульман Республики Татарстан. URL: <http://dumrt.ru/ru/about-us/godovye-otchety/> (дата обращения: 16.03.2019).
26. О свободе совести и о религиозных объединениях: Закон РТ от 14.07.1999 № 2279, ред. от 17.11.2016 // Кодекс: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. [Б.м.], 2019. URL: <http://docs.cntd.ru/document/917008529> (дата обращения: 17.10.2017).
27. Митрополит Феофан: «У меня много планов в Татарстане». Интервью митрополита Казанского и Татарстанского Феофана Информационному агентству ИА «Татар-информ» // Православие в Татарстане: информационно-просветительский сайт Татарской митрополии URL: https://tatmitropolia.ru/all_publications/publication/?id=69212 (дата обращения: 23.03.2019).
28. Мухетдинов Д. Исламская составляющая в современном Татарстане: всё дальше и больше // MuslimBlogs. Блогеры, журналисты, аналитики, учёные: интернет-портал. Казань, 2010–2018. URL: http://www.muslimblog.ru/publ/islam_v_mire/islam_v_rossii/islamskaja_sostavljajushhaja_v_sovremennom_tatarstane_vse_dalshe_i_bolshe/63-1-0-158 (дата обращения: 16.03.2019).
29. Диалог религий Татарстана: культура сотрудничества и стратегии этноконфессионального взаимодействия : сб. материалов грантового проекта. М. : Московская областная общественная организация содействия формированию здорового образа жизни «Здоровое поколение», 2018. 166 с.
30. Впервые в истории Татарстана подписано соглашение о сотрудничестве Кабина РТ с ДУМ РТ и Татарстанской митрополией РПЦ // Духовное Управление Мусульман Республики Татарстан: сайт. Казань, 2015. URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_11871.html?curPos=96 (дата обращения: 22.03.2019).
31. Татарстан лидирует по количеству религиозных организаций в ПФО // Духовное управление мусульман Республики Татарстан. Казань, [б.г.]. URL: http://dumrt.ru/ru/articles/mm-islam/mm-islam_1178.html (дата обращения: 17.03.2019).
32. Муфтий РТ в Москве выступил с предложениями по развитию системы исламского образования // Магариф РТ: сайт. [Б.м.], 2015. URL: http://magarifrt.ru/news/news_894.html (дата обращения: 17.03.2019).
33. В Татарстане не торопятся с введением «Основ православной культуры» в школах // Коммерсант. [Б.м.], 1991–2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2912570> (дата обращения: 20.03.2019).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 4 мая 2019 г.

The Problem of Resolving Contradictions Between the Secular and the Religious in the Political Sphere: A Regional Aspect

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 93–100.

DOI: 10.17223/15617793/444/11

Elena G. Avanesova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

Nina A. Mikaelyan, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nina952@mail.ru

Keywords: postsecularity; public sphere; contradiction between the religious and the secular; interaction of authorities and Muslim organizations of Tatarstan.

This article is devoted to the study of the problem of resolving the contradiction between the secular and the religious in politics. The study is based on a postsecular view of modern society and the processes taking place in it. Supporters of postsecularism believe that it is a new formation and a phase in the development of social consciousness, which replaces the phase of secularization. In their opinion, one of the most important characteristics of the postsecular world is the active return of religion to the public space, including the political sphere. The new reality demonstrates a departure from the traditional forms of interaction between religion and politics and requires its own understanding. Thus, modernity has actualized a number of questions that society has to answer. And one of the key questions is this: if liberal constitutions are designed to protect the interests of all citizens, what should be done with believers who are full citizens of the state, but the state policy should be freed from any religious “pollution”? The authors attempted to answer this question by studying the sphere of interaction between religion and politics in the Republic of Tatarstan, a subject that positions itself as a territory of interfaith harmony. The empirical basis of the research was legal documents of the republican level concerning the subject matter, materials of the site of the Spiritual Administration of Muslims of the Republic of Tatarstan and the site of the Tatarstan Metropolis of the Russian Orthodox Church. As a result, it was concluded that the problem of resolving the contradictions between the secular and the religious in politics is solved by enhancing interaction between government departments and religious organizations, especially Muslim ones. The republic’s Muslims actively establish both formal and informal contacts with the authorities, thereby influencing the formation of the political agenda. This fact itself indicates the presence of trends showing that the territory has embarked on the path of postsecular development. However, the movement towards a postsecular society in the republic seems today to be “half-hearted”. As mentioned above, one of the hallmarks of such a society is the neutral position of the state in relation to all worldviews represented on its territory. This provision does not characterize the current state of affairs in the Republic of Tatarstan, since the Islamic-oriented position of the state is obvious. Postsecular trends in the republic are only beginning to emerge, the political influence of Muslim organizations is fragmented, but it tends to increase.

REFERENCES

1. Habermas, J. (2008) *Protiv "voinstvuyushchego ateizma". "Postsekulyarnoe" obshchestvo – chto eto takoe?* [Against "militant atheism". What is a "postsecular" society?]. Translated from German by I. Fridman. [Online] Available from: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyushchego-ateizma>. (Accessed: 24.08.2018).
2. Mchedlova, M.M. (2016) Sociocultural Meanings of Politics: New Logic of Interpretation and Religious References. *Polis – Political Studies*. 1. pp. 157–174. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.01.11
3. Khoruzhiy, S.S. (2011) *Postsekulyarizm i situatsiya cheloveka* [Post-secularism and the human situation]. [Online] Available from: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/08/hor_postec_i_sit_chel.pdf. (Accessed: 02.02.2019).
4. Terner, B. (2012) Religion in Postsecular Society. Translated from English. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2 (30). pp. 21–51. (In Russian).
5. Avanesova, E.G. (2015) Transformatsiya funktsiy gosudarstvennoy vlasti v mirovom kosmopoliticheskom soobshchestve [Transformation of the functions of state power in the world cosmopolitan community]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 4 (20). pp. 73–78. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/20/10
6. Eisenstadt, S. (2012) The New Religious Constellations in the Frameworks of Contemporary Globalization and Civilizational Transformation. Translated from English. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 1 (30). pp. 33–56. (In Russian).
7. Habermas, J. (2011) *Chto takoe politicheskoe? Ratsional'nyy smysl somnitel'nogo naslediya politicheskoy teologii* [What is the political? The rational meaning of the dubious legacy of political theology]. Translated from English. [Online] Available from: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/CHto-takoe-politicheskoe>. (Accessed: 27.01.2019).
8. Khoruzhiy, S.S. (2011) *Postsekulyarizm i antropologiya* [Post-secularism and anthropology]. [Online] Available from: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2014/02/hor_postsecularizm_i_antropology.pdf. (Accessed: 02.02.2019).
9. Kyrlezhev, A. (2012) Post-Secular Conceptualization of Religion: Formulating the Problem. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2 (30). pp. 52–68. (In Russian).
10. Berger, P. (2012) Secularization Falsified. Translated from English by A. Shishkov. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2 (30). pp. 8–20.
11. Habermas, J. (2010) Religion, law and politics. – On political justice in a multicultural world-society. Translated from German by A. Sidorov. *Polis – Political Studies*. 2. pp. 7–21. (In Russian).
12. Kyrlezhev, A. (2013) *Sekulyarizm i postsekulyarizm v Rossii i v mire* [Secularism and postsecularism in Russia and in the world]. [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo>. (Accessed: 16.02.2019).
13. Uzlaner, D. (2013) *Kartografiya postsekulyarnogo* [Mapping the postsecular]. [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo>. (Accessed: 16.02.2019).
14. Habermas, J. (2005) *Mezhdue naturalizmom i religiey* [Between naturalism and religion]. Translated from German. [Online] Available from: <https://predanie.ru/habermas-yurgen/book/216268-mezhdu-naturalizmom-i-religiey/>. (Accessed: 19.02.2019).
15. Avanesova, E.G. (2004) Politics as a form of religious activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 282. pp. 36–38. (In Russian).
16. Kudryashova, M.S. & Mchedlova, E.M. (2016) Religion and politics: From secularization to the new theoretical coordinates of research. *Politicheskaya nauka – Political Science*. S. pp. 43–58. (In Russian).
17. Kudryashova, M.S. & Mchedlova, E.M. (2008) *Religiya i politika v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Religion and politics in modern Russian society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskije nauki – Moscow University Bulletin. Ser. 12: Political Science*. 4. pp. 23–30.
18. Guzel'baeva, G.Ya. (2012) Islamic Identity of Young Tatars in the Republic of Tatarstan (based on social studies 2008–2012). *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 154 (6). pp. 76–86. (In Russian).
19. Guzel'baeva, G.Ya. (2014) Post-Secular Tendencies amongst Tatars in the Early 21st Century. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 156 (6). pp. 212–219. (In Russian).
20. State Council of the Republic of Tatarstan. (2007) *The treaty on the delimitation of jurisdiction and mutual delegation of powers between the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the Republic of Tatarstan No. 199, 15 February 1994, as amended on 26 June 2007*. [Online] Available from: <http://gossov.tatarstan.ru/dokument/dogovor/fzfrft/dogovor/>. (Accessed: 10.03.2019). (In Russian).
21. Agentstvo Politicheskikh Novostey. (2012) *Russkikh v Tatarstane zhdet sud'ba russkikh Severnogo Kavkaza* [Russians in Tatarstan will have the fate of Russians of the North Caucasus]. [Online] Available from: <https://www.apn.ru/publications/article26361.htm>. (Accessed: 16.03.2019).
22. Constitution of the Russian Federation: website. (1992) *Konstitutsiya Respubliki Tatarstan* [Constitution of the Republic of Tatarstan]. [Online] Available from: http://constitution.garant.ru/region/cons_tatar/chapter/9d78f2e21a0e8d6e5a75ac4e4a939832/. (Accessed: 10.03.2019).
23. Nurullina, R.V. (2010) *Konfessional'naya model' Respubliki Tatarstan: rol' i mesto islama* [Confessional model of the Republic of Tatarstan: the role and place of Islam]. *Vlast'*. 9. pp. 113–115.
24. Malashenko, A. (2013) *Religiya nevozmozhno otdelit' ot politiki* [Religion cannot be separated from politics]. [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/religiya-nevozmozhno-otdelit-ot-politiki>. (Accessed: 22.03.2019).
25. Spiritual Administration of Muslims of the Republic of Tatarstan. (2018) *Godovye otchety* [Annual reports]. [Online] Available from: <http://dumrt.ru/ru/about-us/godovye-otchety/>. (Accessed: 16.03.2019).
26. Republic of Tatarstan. (2016) *O svobode sovesti i o religioznykh ob'edineniyakh: Zakon RT ot 14.07.1999 № 2279, red. ot 17.11.2016* [On Freedom of Conscience and Religious Associations: Law of the Republic of Tatarstan No. 2279 of July 14, 1999, as amended on November 17, 2016]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/917008529>. (Accessed: 17.10.2017).
27. Pravoslaviye v Tatarstane. (2019) *Mitropolit Feofan: "U menya mnogo planov v Tatarstane"* [Metropolitan Feofan: "I have many plans in Tatarstan"]. [Online] Available from: https://tatmitropolia.ru/all_publications/publication/?id=69212. (Accessed: 23.03.2019).
28. Mukhetdinov, D. (2011) *Islamskaya sostavlyayushchaya v sovremennom Tatarstane: vse dal'she i bol'she* [The Islamic component in modern Tatarstan: farther and wider]. [Online] Available from: http://www.muslimblog.ru/publ/islam_v_mire/islam_v_rossii/islamskaya_sostavljajus_hha-ja_v_sovremennom_tatarstane_vse_dalshe_i_bolshe/63-1-0-158. (Accessed: 16.03.2019).
29. Gus'kova, A.O. & Kostylev, P.N. (eds) (2018) *Dialog religiy Tatarstana: kul'tura sotrudnichestva i strategii etnokonfessional'nogo vzaimodeystviya: sb. materialov grantovogo proekta* [Dialogue of religions of Tatarstan: culture of cooperation and strategies of ethno-confessional interaction: Grant project materials]. Moscow: Moskovskaya oblastnaya obshchestvennaya organizatsiya sodeystviya formirovaniyu zdorovogo obraza zhizni "Zdorovoe pokolenie".
30. Spiritual Administration of Muslims of the Republic of Tatarstan. (2015) *Vpervye v istorii Tatarstana podpisano soglasenie o sotrudnichestve Kabmina RT s DUM RT i Tatarstanskoy mitropoliey RPTs* [For the first time in the history of Tatarstan, an agreement on cooperation between the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan, the Spiritual Administration of Muslims of the Republic of Tatarstan and the Tatarstan metropolis of the Russian Orthodox Church was signed]. [Online] Available from: http://dumrt.ru/ru/news/news_11871.html?curPos=96. (Accessed: 22.03.2019).
31. Spiritual Administration of Muslims of the Republic of Tatarstan. (2013) *Tatarstan lideruet po kolichestvu religioznykh organizatsiy v PFO* [Tatarstan leads in the number of religious organizations in the Volga Federal District]. [Online] Available from: http://dumrt.ru/ru/articles/mm-islam/mm-islam_1178.html. (Accessed: 17.03.2019).

32. Magarif RT. (2015) *Muftiy RT v Moskve vystupil s predlozheniyami po razvitiyu sistemy islamskogo obrazovaniya* [In Moscow, the Mufti of the Republic of Tatarstan made proposals for the development of the Islamic education system]. [Online] Available from: http://magarifrt.ru/news/news_894.html. (Accessed: 17.03.2019).
33. Kommersant. (2016) *V Tatarstane ne toropyatsya s vvedeniem "Osnov pravoslavnoy kul'tury" v shkolakh* [Tatarstan does not hurry with the introduction of "Fundamentals of Orthodox culture" in schools]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/2912570>. (Accessed: 20.03.2019).

Received: 04 May 2019